

МОНТЕГЮ РОДС ДЖЕЙМС

ПОДБРОШЕННЫЕ РУНЫ

Часть сборника: Гости с того света (сборник)

Монтегю Родс Джеймс
Подброшенные руны

«ЭКСМО»

1911

Джеймс М.

Подброшенные руны / М. Джеймс — «Эксмо», 1911

«— И кто такой этот мистер Карсвелл? — полюбопытствовала у секретаря его жена, которая незадолго до того зашла к нему кабинет и — возможно, несколько бесцеремонно — пробежала взглядом последнее из вышеприведенных писем, только что принесенное машинисткой.— Ну, в данный момент, моя дорогая, мистер Карсвелл — это весьма рассерженный человек. Но кроме этого я мало о нем знаю — разве только то, что он довольно состоятелен, живет в Лаффордском аббатстве в Уорикшире, судя по всему, занимается алхимией и жаждет выговориться на эту тему перед членами нашей Ассоциации. Вот, пожалуй, и все — если не считать того, что в ближайшие неделю-другую мне бы не хотелось с ним встречаться. Ну а теперь, если ты готова, мы можем идти...»

© Джеймс М., 1911

© Эксмо, 1911

Монтегю Родс Джеймс

Подброшенные руны

15 апреля 190... года

Досточтимый сэръ!

Совет... Ассоциации уполномочил меня возвратить Вам рукопись доклада на тему «Истина алхимии», который Вы любезно предложили зачитать на нашем предстоящем собрании, и проинформировать Вас, что он не считает возможным включить этот доклад в программу.

Искренне Ваш,

.....

секретарь Ассоциации.

18 апреля

Досточтимый сэръ!

С сожалением вынужден сообщить, что, будучи загружен делами, не имею возможности встретиться с Вами для обсуждения Вашего доклада. Равным образом наш устав не предусматривает процедуры обсуждения Вами этого вопроса с комитетом нашего Совета, которое Вы предложили провести. Позвольте заверить Вас в том, что представленная Вами рукопись была рассмотрена предельно внимательно и отклонена лишь после консультации с самым авторитетным в этой области специалистом. Едва ли есть смысл добавлять, что решение Совета никоим образом не обусловлено какими-либо личными мотивами.

Примите уверения... и прочее.

20 апреля

Секретарь Ассоциации... со всем почтением уведомляет мистера Карсвелла, что не уполномочен сообщать ему сведения о лице или лицах, которым могла быть передана на рассмотрение рукопись его доклада, а также желает известить о том, что не обязуется далее поддерживать переписку на эту тему.

– И кто такой этот мистер Карсвелл? – любопытствовала у секретаря его жена, которая незадолго до того зашла к нему кабинет и – возможно, несколько бесцеремонно – пробежала взглядом последнее из вышеприведенных писем, только что принесенное машинисткой.

– Ну, в данный момент, моя дорогая, мистер Карсвелл – это весьма рассерженный человек. Но кроме этого я мало о нем знаю – разве только то, что он довольно состоятелен, живет в Лаффордском аббатстве в Уорикшире, судя по всему, занимается алхимией и жаждет выговориться на эту тему перед членами нашей Ассоциации. Вот, пожалуй, и все – если не считать того, что в ближайшие неделю-другую мне бы не хотелось с ним встречаться. Ну а теперь, если ты готова, мы можем идти.

– Чем же ты так его рассердил?

– Обычное дело, дорогая, самое обычное: он прислал рукопись доклада, который хотел зачитать на ближайшем заседании, и мы передали ее на рассмотрение Эдварду Даннингу – едва ли не единственному в Англии человеку, разбирающемуся в подобных вещах. Даннинг сказал, что доклад совершенно безнадежен, и мы его отклонили. С тех пор Карсвелл забрасывает меня письмами. В последнем он потребовал назвать ему имя того, кто рецензировал его вздор; мой ответ ты видела. Но, ради бога, не говори никому об этом ни слова.

– Я и не собираюсь. Разве я когда-нибудь болтала о твоих делах? Однако я все же надеюсь, он никогда не узнает, что это был бедный мистер Даннинг.

– «Бедный»? Не понимаю, почему ты так его называешь; на самом деле он весьма счастливый человек, этот Даннинг. У него множество увлечений, уютный дом и уйма времени, которым он волен располагать, как пожелает.

– Я лишь имела в виду, что было бы весьма огорчительно, если бы тот человек узнал о нем и стал бы ему досаждать.

– О да! Конечно. Рискну предположить, что тогда он и вправду стал бы «бедным мисте-ром Даннингом».

Супруги были приглашены на ланч к друзьям из Уорикшира, и жена секретаря решила во что бы то ни стало осторожно расспросить их о мистере Карсвелле. Однако хозяйка дома избавила ее от необходимости аккуратно подводить разговор к этой теме: едва они принялись за ланч, она произнесла, обращаясь к мужу:

– Я видела нашего «лаффордского аббата» нынче утром.

Хозяин присвистнул.

– Правда? Интересно, каким ветром его сюда занесло?

– Бог его знает; он как раз выходил из ворот Британского музея, когда я проезжала мимо.

Вполне естественно, что жена секретаря поинтересовалась, о настоящем ли аббате идет речь.

– О нет, моя дорогая: это просто наш сосед из Уорикшира, который несколько лет назад приобрел в собственность Лаффордское аббатство. На самом деле его зовут Карсвелл.

– Он ваш друг? – спросил секретарь, незаметно для хозяев подмигнув жене.

В ответ на него обрушился настоящий поток красноречия. На самом деле ничего, что свидетельствовало бы в пользу мистера Карсвелла, сказать было невозможно: его занятия были скрыты от посторонних глаз; у него в услужении состояли люди самого низшего разбора; он придумал себе новую религию и практиковал отвратительные обряды, о которых, впрочем, никто ничего не знал достоверно; он чрезвычайно легко обижался и никогда не прощал обид; у него была отталкивающая наружность (так утверждала хозяйка, меж тем как ее супруг вяло ей возражал); он ни разу в жизни никому не сделал добра, от него исходил один только вред.

– Дорогая, будь же к нему справедлива, – прервал хозяин монолог жены. – Ты, верно, забыла, какое развлечение он устроил для школьной детворы.

– Забудешь такое, как же! Впрочем, хорошо, что ты упомянул тот случай – он дает ясное представление об этом человеке. Вот послушайте, Флоренс. В первую зиму, которую он встретил в Лаффорде, наш замечательный сосед написал священнику своего прихода (мы не его прихожане, но очень хорошо его знаем) письмо с предложением устроить для школьников показ картинок посредством волшебного фонаря. Он заявил, что у него есть новые образцы, которые, как ему кажется, вызовут у детей интерес. Священник был несколько озадачен, поскольку прежде мистер Карсвелл определенно не жаловал детвору – сетовал на ее вторжения в его усадьбу и прочие подобные шалости. Тем не менее согласие было дано, и в назначенный вечер наш друг отправился самолично взглянуть на представление и удостовериться, что все идет как должно. По его словам, он никогда не испытывал такой благодарности небесам, какую ощутил в тот день оттого, что на показе не присутствовали его собственные дети – они в это время были на детском празднике, который мы устроили у себя в доме. Потому как мистер Карсвелл, несомненно, затеял все это лишь для того, чтобы перепугать деревенских ребятишек до смерти, и я уверена, что, если бы ему позволили продолжать, он добился бы своей цели. Начал он со сравнительно безобидных вещей – картинок, иллюстрирующих сказку о Красной Шапочке, – но даже на них, как утверждает мистер Фаррер, волк оказался таким отвратительным, что нескольких малышей пришлось увести. Священник говорит также, что мистер Карсвелл, рассказывая эту сказку, издал звук, который

напоминал отдаленный волчий вой и ужаснее которого мистеру Фарреру в жизни не доводилось слышать. Все изображения были сделаны в высшей степени искусно и отличались необыкновенным правдоподобием; священник понятия не имеет, где Карсвелл их раздобыл или как сумел изготовить. Меж тем представление продолжалось, истории становились все страшнее, дети, зачарованные зрелищем, притихли. И наконец их взорам предстала серия картинок, изображавших маленького мальчика, который вечерней порой шел через принадлежащий Карсвеллу Лаффордский парк. Любой ребенок в комнате мог без труда узнать это место. Так вот, мальчика преследовало – сперва хоронясь за деревьями, но постепенно становясь все более видимым – некое ужасное прыгающее существо в белом одеянии; в конце концов это существо настигало несчастного и то ли разрывало его на части, то ли расправлялось с ним каким-то другим способом. Мистер Фаррер сказал, что именно этому зрелищу он обязан самым жутким из когда-либо снившихся ему кошмаров, и трудно даже представить, как оно могло подействовать на детей. Конечно, это было уже чересчур, о чем он и заявил в крайне резких выражениях мистеру Карсвеллу, добавив, что не позволит ему продолжать. На что тот ответил: «А, так вы полагаете, что пора завершать наше маленькое представление и отправлять детишек домой, по кроваткам? *Очень хорошо*». И затем – вы только вообразите – он вставил в волшебный фонарь еще одну пластинку, и на экране появилось огромное скопление змей, сороконожек и омерзительных крылатых тварей; вдобавок ему удалось, посредством каких-то уловок, создать впечатление, будто эти гады выбрались из картинки и расползаются среди зрителей, и сопровождать все это каким-то сухим шелестом, который едва не свел детей с ума и, конечно, заставил их вскочить со своих мест. Выбираясь из комнаты, многие заработали себе синяки и набили шишки, и навряд ли хоть один ребенок в ту ночь заснул. Случившееся вызвало в деревне ужасный переполох. Матери, разумеется, возложили львиную долю вины на бедного мистера Фаррера, а отцы, наверное, перебили бы все стекла в окнах аббатства, если бы сумели проникнуть за его ворота. Вот что представляет собой мистер Карсвелл, наш «лаффордский аббат»; из этого, моя дорогая, вы сами можете заключить, сильно ли мы жаждем общения с ним.

– Да, я полагаю, у него несомненно есть преступные задатки, у этого Карсвелла, – заметил хозяин. – Не завидую участи того, кого он сочтет своим недругом.

– Не тот ли это человек – или я путаю его с кем-то другим, – вступил в разговор секретарь, который уже несколько минут озабоченно хмурился, словно пытаясь что-то вспомнить, – не тот ли это человек, что в свое время выпустил в свет «Историю колдовства»? Лет десять назад, если не больше?

– Он самый. Вы помните, какие отзывы снискал этот труд?

– Конечно, помню, и, что не менее важно, я знал автора самого язвительного из них. Да и вы должны помнить Джона Харрингтона – он учился в Сент-Джонс-колледже в одно время с нами.

– Да, в самом деле, я отлично его помню, хотя после окончания университета, кажется, не имел о нем никаких известий, до тех пор, пока не наткнулся на отчет о расследовании по его делу.

– О расследовании? – переспросила одна из дам. – А что с ним случилось?

– Ну, случилось так, что он упал с дерева и сломал себе шею. Но что побудило его туда забраться, так и осталось загадкой. Довольно-таки темная история, надо сказать. Человек, не наделенный атлетическим сложением и, насколько нам известно, не склонный к экстремистике, возвращается поздним вечером домой по проселочной дороге, на которой нет никаких бродяг, которая пролегает через места, где его хорошо знают и любят, – и вдруг ни с того ни с сего бросается бежать как безумный, теряет шляпу и трость и в довершение всего карабкается на дерево, составляющее часть живой изгороди, куда залезть не так-то просто. Сухая ветка не выдерживает его веса, он падает, и утром его находят лежащим на земле со сломан-

ной шеей и с выражением неопишемого ужаса на лице. Разумеется, совершенно ясно, что за ним гнались; поговаривали об одичавших собаках, о хищных животных, сбегавших из зверинца, но дальше предположений дело не пошло. Случилось это в восемьдесят девятом году, и с тех пор его брат Генри (которого вы, возможно, не знали в Кембридже, а я знал так же хорошо, как самого Джона) пытается найти объяснение случившемуся. Он, конечно, утверждает, что здесь имел место злой умысел, но мне трудно понять, каким образом он мог быть претворен в жизнь.

Прошло некоторое время, и разговор вернулся к «Истории колдовства».

– А вы в нее когда-нибудь заглядывали? – любопытствовал хозяин дома.

– Не только заглядывал, но даже прочел целиком, – ответил секретарь.

– И что же, она и вправду так плоха, как утверждали рецензенты?

– В том, что касается стиля и построения, совершенно безнадежна и вполне заслуживает тех уничижительных отзывов, которых удостоилась. Но, кроме того, это зловещая книга. Этот человек верил в каждое написанное им слово, и думаю, я не сильно ошибусь, предположив, что действительность большинства своих рецептов он проверил на практике.

– Ну, что до меня, то я помню лишь отзыв Харрингтона и должен признаться, что, будь я автором книги, подобная отповедь отбила бы у меня всякое желание вновь братья за перо. После такого я бы ни за что не осмелился вновь поднять голову.

– В данном случае результат оказался иным. Но постойте, уже половина четвертого; я вынужден проститься.

По дороге домой жена секретаря сказала:

– Надеюсь, этот ужасный человек все же не узнает, что мистер Даннинг причастен к отклонению его рукописи.

– Думаю, это маловероятно, – ответил секретарь. – Сам Даннинг не станет об этом распространяться, поскольку такие вопросы считаются конфиденциальными, да и мы этого делать не будем – по той же самой причине. Догадаться Карсвелл не сможет, ведь Даннинг не публиковал никаких работ по теме, которой посвящен этот злополучный доклад. Единственная опасность заключается в том, что Карсвелл надумает поинтересоваться у сотрудников Британского музея, кто из читателей имеет обыкновение заказывать алхимические кодексы: я ведь не могу запретить им упоминать имя Даннинга, верно? Это лишь подстегнуло бы их все немедленно ему рассказать. Но будем надеяться, что подобного не случится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.